

XI

ЗАЩИТНИК ВЕРЫ: ЭКОНОМИЗМ

«Экономизм» появился на арене российской социал-демократии одновременно с возникновением ревизионизма в немецкой партии. Плеханов, считая последний уклон более опасным, сосредоточил на нем огонь почти сразу. Но первые залпы по «экономизму» были сделаны более двух лет спустя. Однако внимание к «экономизму» проявилось уже в период борьбы с ревизионизмом. Бернштейн поставил под сомнение ценность основных марксистских положений как раз тогда, когда казалось, что надежды Плеханова на основание партии в соответствии с этими принципами должны увенчаться успехом. Он рассматривал «экономизм» как орудие пропаганды сретических доктрин Бернштейна в российское движение. Война Плеханова против ревизионизма еще более обострила неприятие идеологических уклонов, стремившихся уменьшить роль интеллигенции в социалистической партии, и он яростно обрушился на «экономизм», т. к. считал, что последний преследует те же цели, что и ревизионизм.

Однако не только эти ассоциации определили характер и силу его нападения. Существенное значение имела и долгая история ожесточенных столкновений между Группой «Освобождение Труда» и теми, кто впоследствии стал проповедовать «экономизм». Кампания против направления, считавшегося подрывным для социал-демократии, была вдвое бурной еще и потому, что оказалась связанный и с проявлением личной неприязни, которую Плеханов и Аксельрод копили много лет.

Очагом раздора стала эмиграция, где, с середины девяностых годов, Группа, входившая в состав «Союза русских социал-демократов», продолжала сохранять самостоятельность. Кроме членов Группы в «Союз» входила молодежь, обратившаяся к марксизму сравнительно недавно. Организационные отношения Группы и «Союза» в основном строились по образцу прежнего сотрудничества основателей движения с молодыми социал-демократами. Для того, чтобы обеспечить идеологическое руководство, Группа сохранила за собой право ре-

дактировать издания «Союза», в том числе, и журнал «Работник». Кроме того, Группа имела возможность самостоятельно вести дела, которые она считала полезными для движения. В задачи молодых товарищей входили сбор средств, обеспечение работы типографии, организация транспорта нелегальной литературы и поддержание контактов с революционными группами в России. Распределение власти и обязанностей подразумевало, что Группа представляет собой Верховное Командование, а другие члены «Союза» — его администрацию и рядовой состав. Тем не менее, молодые социал-демократы теперь обеспечили себе больше прав, чем в период прежнего сотрудничества. Избранная администрация «Союза» могла в значительной степени влиять на организационную жизнь социал-демократической эмиграции. Кроме того, разве не благодаря им Группа занялась теперь изланием той «обязательной» рабочей литературы, которой она прежде «пренебрегала»? К тому же, молодежь с литературными наклонностями получила возможность печататься в «Работнике» и других изданиях «Союза».

Несколько можно понять, устав СРСД представлял собой результат стремлений подавить (или урегулировать) разногласия ради успеха движения в целом, сил, не доверяющих друг другу. По ряду пунктов Группа уступила фракции молодежи, которая уже несколько лет рассматривала ее *modus operandi* [способ действий — лат.] весьма критически. В то же время, ветераны не выказали желания передать общее руководство движением в руки сравнительно неопытных новичков. Очевидно, что желание сделать сотрудничество эффективным было у обеих сторон, однако на практике все получалось иначе. Неприятности начались с начала 1896 года, вскоре после реорганизации «Союза», предпринятой в целях улучшения поддержки движения в России. Сначала возникли отдельные трения по вопросам, внешне не связанным, потом столкновения участились и, наконец, переросли в постоянный тлеющий конфликт, который отнимал все больше сил у обеих сторон. Безрадостная цепь пререканий, скрытых ударов и поношений не поддается описанию¹. Но игнорировать ее нельзя, ибо при всей явной тривиальности этих стычек, они касаются главного. Фактически, все это были эпизоды не утихающего сражения по вопросу устава о разделении власти, важность которого никоим образом не ограничивалась масштабами эмиграции.

Прежде всего, в эти ссоры немедленно был замешан Аксельрод. В ходе бесед с Лениным летом 1895 года решено было освободить Пле-

ханова от организационных и редакторских обязанностей, чтобы дать ему время на литературную теоретическую работу². Таким образом, обязанность редактировать «Работник» и другие издания «Союза» перешла к Аксельроду. В любом случае, это было бы логичным выбором, потому что «Работник» предназначался для нужд рабочего движения и поэтому должен был уделять много внимания тактике — тем самым вопросам, в которых он долго специализировался. Как бы то ни было, именно Аксельрод более других сталкивался в работе с членами «Союза», и именно в этих контактах возникли первые трудности. Примером того, что происходило, могут служить разногласия по финансовым вопросам, возникшие в начале 1896 года.

Администрация «Союза» пожелала вести работу на деловой основе, что, помимо всего прочего, предполагало ведение финансовой отчетности. Аксельрод брал деньги из казны «Союза» на покрытие расходов по издательской деятельности. Но когда должностные лица «Союза» попросили его представить отчет о расходовании средств, он пришел в замешательство, ибо никакой отчетности не вел. Для Группы «Освобождение Труда» было типичным обращать на такие вещи мало внимания. Члены ее полностью доверяли друг другу, а те, кто давал средства на их деятельность, редко ожидали отчетов об их использовании. Новый порядок, который пытались ввести администрации из «Союза», казался Аксельроду суетой по пустякам. Он испытывал чувство унижения и негодования, когда ему пришлось представлять какие-то отчеты, это подействовало на него угнетающе, и он воззвал к Плеханову по поводу «комерческого скупердайства» членов «Союза». Проблема еще больше осложнилась тем, что он никак не мог провести грань между теми средствами, которые предоставили непосредственно Группе ее друзья, и средствами из казны «Союза», которыми она могла пользоваться³.

Этот инцидент иллюстрирует несколько аспектов борьбы, постепенно разгоревшейся между двумя составными частями «Союза». Во-первых, речь шла об организационном стиле: Группа привыкла к неофициальной, полусемейной манере, основанной на взаимном уважении и доверии, а «Союз» выступал за более формальный и бюрократический тип управления. Молодежь не сомневалась в честности Аксельрова, но считала аксиомой, что организация может должным образом функционировать только в соответствии с установленными правилами. Однако Аксельрод почувствовал себя лично оскорблением, когда от него потребовали отчета или, как минимум, посчитал это ничем не обосно-

ванной докукой. Чувствительность старейшины к критике младших, безусловно, была еще одной причиной возникновения натянутых отношений. Неспособность Аксельрода отделить средства Группы от средств «Союза» дает некоторое представление о тех проблемах, что постоянно возникали в связи с особенностями организационных отношений, когда Группа являлась одновременно и частью «Союза», и независимой единицей. С точки зрения эмигрантской марксистской молодежи, оплошность Аксельрода казалась прямым свидетельством непростительной небрежности в управлении делами. Разумное желание внести порядок и рационализм в работу СРСД вызвало сильное раздражение с одной стороны, а с другой — серьезные сомнения в компетентности старших товарищей.

Ситуация не была бы такой серьезной, если бы не тот факт, что Аксельрод много раз давал повод к жалобам своим юным сотрудникам. Он писал медленно и трудно и нередко не успевал вовремя закончить работу, за которую брался. Слабое здоровье также мешало его литературной деятельности и выполнению редакторских обязанностей. Возможно, эти обстоятельства, в сочетании с его собственным огорчением по этому поводу, объясняют, почему прошло более полугода между решением издавать «Работник» и выходом первого номера журнала. То, что молодым товарищам, наверное, казалось непростительной медлительностью, стало раздражать еще больше, когда Аксельрод неизменно отклонял все попытки снять с его плеч хотя бы часть обязанностей, выполнять которые ему было трудно.

Плеханов также не избежал нападков. Поскольку он обычно брал сторону Аксельрода, ему доставалась и доля упреков, направленных товарищу. Более того, Плеханов стал мишенью еще одного обвинения в адрес Группы. Наиболее влиятельные из молодых социал-демократов прибыли из России совсем недавно, где принимали участие в агитационной работе. На этом основании они полагали, что имеют более точные сведения о характере и потребностях движения, нежели старики. В частности, они считали, что Группа все еще не уделяет достаточно внимания изданию литературы для рабочих, которую они считали самым эффективным средством для развития движения. Разве использование основного таланта Группы — Плеханова — в области абстрактной теоретической и философской литературы не является прямой демонстрацией ее отчужденности от русской действительности? Нет никаких сомнений в том, что Группа заслужила бессмертную славу, заложив основы русского марксизма. Но почему Плеханов про-

должает бичевать это почившее в бозе народничество, когда нужно за-воевывать новые миры, когда все силы должны быть направлены на добывание средств для развития огромных возможностей рабочего движения?

Подводя итоги, противники Группы подготовили солидный обвинительный акт. На том основании, что ветераны-марксисты не имеют контакта с движением в России и плохо осведомлены о его потребностях, они не могут осуществлять руководство. Даже если бы Группа имела более реальное представление об особенностях времени, медлительность и неумелость делают ее мало пригодной к исполнению той руководящей роли, на которую она претендует. Пока бразды правления находятся в ее руках, основные задачи не могут быть выполнены. Те, кто создал ее и первоначально придал большой толчок движению, стали тормозом в дальнейшем развитии. Однако они не желают уступить место людям более квалифицированным, обладающим ясным видением потребностей и энергией, необходимой для их удовлетворения. Еще одно обвинение состояло в том, что сверхкритическая позиция Группы и нетерпимость к иным точкам зрения мешает притоку новых литературных сил, в которых чрезвычайно нуждается движение. За исключением других резких определений, обиды молодежной фракции по своему характеру не отличались от выдвинутых в прежней борьбе ветеранов-марксистов и их последователей в эмиграции. Однако в этой новой пробе сил атакующие были увереннее в себе, настойчивее и агрессивнее своих предшественников. Организуя оппозицию старшим, покушаясь на их прерогативы, сметая существующие границы власти, критики повели партизанскую войну против Группы. Они явно намеревались урезать власть ветеранов и, возможно, мечтали о том, чтобы вовсе сместить их и взять руководство движением в свои руки. Группа оказалась перед фактом бунта беспрецедентных масштабов и силы, направленной против ее власти.

Плеханов и Аксельрод отвечали молодым социал-демократам такой же враждебностью. Они были уверены, что нападки в их адрес не имеют достаточных оснований, и относили жалобы молодежи за счет невежества, задетого самолюбия, недоброжелательности — короче, чего угодно, только не истинных недостатков Группы. Недавнее участие их оппонентов в движении в России не давало им особых оснований для претензий на обладание высшей мудростью: действительно, их мнимое превосходство нивелировалось пренебрежительным отношением к теории, без которой невозможны правильное понимание и

оценка опыта. Их озабоченность практическими административными делами показывала, что они — просто бюрократы, лишенные революционной страсти, слишком мелки духом, чтобы соответствовать грандиозным перспективам движения. В повседневных контактах старики убеждались в тривиальности и неумелости молодых социал-демократов. Они нарушают организационную дисциплину, создавая, таким образом, анархию; на них нельзя положиться; часто их отношения друг с другом лишены достоинства и взаимного уважения; а взыскующие литературных лавров не обладают достаточными талантами. Притязания молодых социал-демократов на большее участие в руководстве казались Плеханову и Аксельроду дурной шуткой. Они и думать не могли о передаче руководства движением, созданного таким трудом, невежественной, некомпетентной и лишенной благородства компании, которая может лишь разрушить то, что они построили.

Представления Группы и оппозиции друг о друге, не лишенные доли истины, все же были сильно окрашены эмоциями. Как стороны, участвующие в конфликте, затрагивавшем их чувства, оба лагеря были не в состоянии понять подлинный характер противника. Вполне логично, что только Вера Ивановна Засулич, которая находилась в Англии, вдали от жара скватки, наиболее проницательно охарактеризовала то, что происходит. Убеждая, что молодежь нужно рассматривать «исторически», она спрашивала Плеханова: «Неужели вам не ясно, что мы не можем в одной организации работать с этого рода народом? И не потому, что он плох! Просто разница лет, понимания, настроения сказываются»⁴. Несколько недель спустя, возвращаясь к диагнозу кризиса, она писала: «Я знаю, что у меня чутые действительности... неизмеримо больше, чем у вас. У вас она заслоняется (иногда прямо до сумасшествия) представлением о том, что должно быть, но чего нет и нет средств сделать, чтобы оно было. Вы утопист в практических отношениях, не меньше Фурье. Вы ошибаетесь, когда думаете, что против нас только два дурака, которых надо высечь. Против нас почти вся молодая эмиграция с присоединением тех элементов из студенчества, которые уже действовали или собираются серьезно действовать. Они полны энергии, чувствуют за собой Россию... Вам всем в Женеве кажется, что с ними следует расправиться... Формально это возможно, но эта-то наша формальная победа и была бы нашим величайшим поражением.

Мы не можем исполнять функции „Союза“: создать рабочую литературу. Вы говорите, что нельзя бросить то дело, которое мы делали

15 лет. Да за последние 3 года мы делаем совсем не то дело, которое делали в предыдущие 12. То мы могли бы продолжать. Это я и предлагаю. Издавать же такую литературу для рабочих, которая удовлетворила бы требованиям россиян, мы не можем. И всем кажется при этом, что мы мешаем тем, кто может... Своего идеала и они не достигнут, но у них есть такой идеал, а у нас его нету. У них есть жажда деятельности в этом направлении, но лишь не под нашей редакцией...

Я бы находила наилучшим просто заявить, что мы сами не находим результаты своей деятельности по изданию рабоч[ей] литературы блестательными, что согласны дать нашим критикам возможность испробовать свои силы на полном просторе⁵.

В тот момент к ее совету не прислушались. Но фактически, называя это скопище отцов и детей, она, безусловно, коснулась одного из основных источников разногласий. Кризис в отношениях между Группой и молодыми марксистами в эмиграции был примером болезни роста российского социал-демократического движения. В течение более десяти лет Группа «Освобождение Труда» практически представляла все движение. Она оставила на нем яркую печать направлений и черт его основателей. Они склонны были — в силу инерции или намеренно — сохранять созданную ими форму, в то время как новые силы движения видели необходимость перемен в соответствии с новыми обстоятельствами. Каковы бы ни были недостатки молодежи, большая часть их критики, безусловно, имела основания. При том, что в 1896 и 1897 годах народничество еще не умерло окончательно, все же явно большую пользу социал-демократы могли извлечь из поддержки нарождающегося рабочего движения, нежели из полемики с народниками. Новые времена ставили новые задачи. Тем не менее, как отмечала Засулич, Группа не могла выполнить эти задачи сама и не позволяла испытать свои силы другим. Рожденная в борьбе с народничеством и в процессе создания теоретических основ российского марксизма, Группа, очевидно, не могла с легкостью приспособиться к изменению потребностей движения.

Вeterаны не раз признавали слабости практической стороны деятельности Группы, но в то же время с некоторым презрением относились к тем, кто пытался создать более сильную организацию. Свободная внутренняя организация Группы, вполне уместная при зарождении русского марксизма, должна была уступить место уставной дисциплине и четкому административному управлению теперь, когда движение выросло и усложнилось. Однако старики стояли на своем и не подда-

вались на призывы приспособиться к новым моделям организации. Корнем всех затруднений было настойчивое желание Группы сохранить за собой статус особого руководящего центра. Удерживая эту позицию, она могла успешно пресекать усилия всех, кто остро ощущал потребность в переменах. Точно так же, как изменение социально-экономических условий в России делало все более неустойчивыми позиции российского самодержавия, меняющийся характер социал-демократического движения делал несостоятельным фактическое самодержавное правление Группы «Освобождение Труда».

Эти события развивались, достигнув в конце 1897 года своего апогея, на фоне тогда же появившегося нового ревизионистского течения, получившего название «экономизма». Это новое направление впервые проявилось в нелегальном издании «Рабочая мысль», которое стало выходить в Петербурге в последние месяцы 1897 года*. Вскоре после этого в эмиграции на него откликнулись С. Н. Прокопович и его жена Е. Д. Кускова, только что прибывшие в Швейцарию. Прокоповичи сначала были очень близки с Плехановым и Аксельродом⁶, но в начале 1898 года подвергли критике ряд основных положений российской социал-демократии, которые до этого никогда не ставились под сомнение. До сих пор разногласия между Группой и «Союзом» касались не идеологических, а организационных вопросов. Теперь ряд членов «Союза», попав под влияние Прокоповича и его жены, впервые образовали идеологическую оппозицию основателям российской социал-демократии. Довольно властная попытка Плеханова изгнать беспокойную пару из «Союза» не удалась и привела лишь к тому, что ряды противников ветеранов сплотились. Группа пожелала привлечь на свою сторону Петербургский «Союз», но с изумлением узнала, что «Рабочая мысль» стала официальным органом «Союза». Когда один за другим были арестованы Ленин, Мартов и Потресов, их организация из рук верных сторонников Группы перешла к экономической оппозиции. Серьезность разрыва в русской социал-демократии подчеркивалась тем, что петербургский, а затем и эмигрантский «Союзы» отказались одобрить «Манифест» РСДРП, в котором завоевание политической свободы указывалось как первостепенная задача российского рабочего движения.

Идейное влияние Группы и ее позиции были подорваны полностью и с необыкновенной быстротой. Именно в тот момент, когда дви-

* В разное время оно издавалось в Петербурге, Берлине и Варшаве.

жение становилось на ноги, оно отвергало своих основателей. Такой неожиданный поворот Плеханов и Аксельрод переживали невероятно болезненно. Опасность катастрофы станет понятна, если вспомнить, что все это случилось в 1898 году, когда на международной арене социалистического движения появилась ересь Бернштейна. И эту горькую чашу предстояло испить первым марксистам. Когда на съезде «Союза» в ноябре 1898 года выяснилось, что они оказались в явном меньшинстве, оставалось лишь отказаться от редакторских обязанностей в «Союзе». Было принято решение прекратить выпуск «Работника» и вместо него издавать новую газету — «Рабочее дело». Редакторы нового органа — Б. Н. Кричевский, В. П. Иваншин и П. Ф. Теплов — придали ему умеренно экономическую направленность⁷. Возможно, чтобы избежать полной изоляции, члены Группы сохранили связь с «Союзом». Но через пару лет положение ухудшилось. «Союз» держал в своих руках все нити, связывавшие эмиграцию с социал-демократическими группами в России, и использовал их для распространения информации об имеющихся разногласиях, представляя своих противников в весьма непрятливом свете. Похоже было, что бывшим штурманам движения пришлось не только оставить штурвал, но и все нальяды на возвращение к нему.

В течение нескольких месяцев после съезда «Союза» не прекращались взаимные атаки и интриги. Ни одна из сторон не упускала возможности дискредитировать противную и укрепить ряды своих сторонников за счет другой. В этих разнообразных маневрах Группе обычно доставалось второе место. Это обескураживающее положение вызвало в отношениях внутри Группы кризис, который грозил положить конец ее существованию⁸. Стена враждебности, окружившая основоположников российского марксизма, их неспособность сломить ее самостоятельно или привлечь серьезные контратакующие силы послужила причиной глубокого морального кризиса. Много лет Аксельрод мучился, вынужденный работать с людьми, облик которых он считал ниже всякой критики. Его угнетала вся эта скука и низость, и снова и снова в письмах его сквозило отвращение и усталость. Это «интеллектуально убивало» его; его «тошили» от одной мысли об отношениях с людьми из «Союза»; его охватывала «нравственная пришибленность»⁹. В мае 1898 года, когда внимание привлекли потрясения на

⁷ Эти редакторы, очевидно, были среди членов «Союза», отказавшихся подписать «Манифест» РСДРП (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрова. Т. 2. С. 85).

юге Европы, он сердито писал: «В Италии — революционное состояніе, в Испании — близкое к нему, в России — небывалый голод по размерам и т. д., а чем заняты русские социал-демократы? Позор да и только! Кретины! развязаться с ними — нет, кажется другого выхода»⁹.

Аксельрод еще с 1896 года неоднократно поднимал разговор о разрыве. Весной 1899 года он поставил вопрос еще более остро. Засулич согласилась. Она гораздо терпимее относилась к молодежи и понимала, что им нужна свобода действий. Пусть это будет единственный урок, но он, по крайней мере, покажет бунтовщикам, что они все же нуждаются в руководстве со стороны более опытных старших товарищ. В любом случае, она не желала играть роль «внутреннего врага» в «Союзе». А между тем, лишившись редакторских обязанностей в «Союзе», Группа не имела собственных издательских планов. В апреле Аксельрод задает вопрос о наличии вообще *raison d'être* [право на существование — лат.] для сохранения Группы: «В. Ив. [Засулич] говорит про себя: „Я больна и при теперешних обстоятельствах не могу быть активным членом какой бы то ни было группы“. Я, с своей стороны, слишком мало литературно производителен. А ты занят другими делами»¹⁰. Так он лаконично выразил недовольство Плехановым, не пожелавшим посвятить три—четыре месяца в 1898 году, как предлагал Аксельрод, литературной работе, которая могла помочь восстановлению пошатнувшегося престижа Группы. Теперь же, если невозможно «воскресить» ее для достойной цели, он готов на «ликвидацию» и передачу руководства движением «Союзу».

Плеханов ответил хладно и по-деловому. По поводу продолжения связи с «Союзом» он заявил: «Я останусь в „Союзе“, пока МЕНЯ не прогонят или пока Я не прогоню своих врагов». Он предлагал не сдаваться и бороться за поворот в нынешней расстановке сил. Он подчеркивал свою решимость резким замечанием: «Если Вы хотите принять участие в предстоящей борьбе,— хорошо; нет,— я один пойду той дорогой, ИДТИ по которой велит мне мой долг революционера»¹¹. Обида заставила Аксельрода протестующе воскликнуть на его «удивительно неоправдываемым делом отношении Ж[оржа] к нашему праву и свободе иметь и высказывать свое суждение»¹², — таким образом также выражая свое огорчение по поводу ряда случаев, когда Плеханов вмешивался в ссоры Группы и «Союза», не посоветовавшись с коллегами. Личные отношения на время нарушались, однако поставленные Аксельродом вопросы оказались стимулом не к ликвидации, а к воз-

рождению Группы. Ибо Плеханов в своем ответе изложил план действий, вполне удовлетворивший Аксельрода тем, что Группе еще предстоят серьезные задачи. «Категорический императив» требовал, чтобы она вела борьбу против бернштейнианства, подобно гидре поднимавшего голову в российском движении.

Зная приверженность Плеханова чистоте теории, приходится удивляться, что он так медлил, прежде чем взяться за оружие против оппозиции. В течение 1898 года он был поглощен кампанией против Бернштейна в немецком движении и в некотором роде оторвался от событий в среде российской социал-демократии. По меньшей мере, похоже, что он недооценил значительность растущей оппозиции и рассматривал бесконечные стычки в «Союзе» как «много шума из ничего». В тех случаях, когда Плеханов сознавал настоящую идеологическую опасность, как было в случае с Прокоповичем, он был готов действовать и предполагал напустить Аксельрода на «бунтовщика»¹³. Но после того, как Прокопович отказался от мысли опубликовать свою полную нападку на Группу статью, распространявшуюся среди эмигрантов в рукописи, выступление Аксельрода оказалось бы бесцельным. Что касается «Рабочей мысли» и Петербургского «Союза», Плеханов мог считать их уклон преходящей фазой, не имеющей особого значения. А быть может, посчитал такое вмешательство неуместным, опасаясь, что, если он призовет к порядку авангард боевых сил, это будет расценено, как бесцеремонность и диктат с его стороны.

Тем не менее, итоги съезда и дальнейшее развитие событий продемонстрировали всю серьезность положения. Оппозиция в «Союзе» взяла верх над Группой. В развернутой декларации сторонников ревизионизма, появившейся в начале 1899 года, Бернштейн язвительно заметил, что большинство русских социал-демократов ближе к нему, чем к его критику — Плеханову. Видные «легальные марксисты»: П. Б. Струве, С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев, легальное марксистское издание «Начало» открыто примкнули к ревизионизму. От Потресова, находящегося в ссылке, пришло известие о тяжелой ситуации в петербургской организации, где основные силы взяли направление на «утопию» действующего «трех-юнионизма при самодержавии». В качестве исправительной меры он предлагал Группе расчистить «августовские концепции российской социал-демократии»¹⁴. Вспышка Аксельрода смела последние следы сомнений и укрепила Плеханова в решимости действовать.

Что касается поля битвы, на котором он собирался дать сражение, то, как полагают некоторые авторы, по тактическим соображениям, он намеревался мазать дегтем ревизионизма оппозицию, фактически состоящую из совершенно разнородных элементов. Оснований для этого было меньше, чем казалось на первый взгляд. Конечно, были свидетельства проникновения влияния Бернштейна в российское движение. И не только «легальные марксисты» стали рупором ревизионизма в России. Не только Прокопович, но и Иваншин, в то время один из редакторов «Рабочего дела», объявил Засулич о своей солидарности с Бернштейном¹⁵. Оппозиция также включала экономистов различных течений. Одно время Плеханов не усматривал тесной связи между дебатами по вопросам ревизионизма и конфликтом внутри российской социал-демократии. Он так и заявлял, отвергая выпады Бернштейна¹⁶. Однако спустя некоторое время Плеханов изменил свое мнение, посчитав «экономизм» одной из разновидностей ревизионизма. Из этого, однако, не следует, что эта перемена позиции была совершена по соображениям тактики. Плеханов действительно взялся за убедительное обоснование родства между «экономизмом» и ревизионизмом.

Решив произвести контратаку, Группа начала мобилизацию сил. Редакторы «Рабочего дела» предоставили мишень, опубликовав весной 1899 года статью, содержавшую критику предисловия Аксельрода к недавно изданной Группой брошюре Ленина*. Они отвергли утверждение Аксельрода о том, что ряд молодых товарищей, к сожалению, не разделяют правильных взглядов Ленина на задачи российской социал-демократии. В мае Плеханов воскликнул: «Это наглость, заслуживающая наказания» и предложил Аксельроду направить в газету открытое письмо с точными ссылками на оппозицию ортодоксальной идеологии¹⁷. (Намеченный им план предвосхитил его «Vademecum», изданный весной 1900 года, и которым он намеревался уничтожить оппозицию.) Его боевой дух кипел, он был готов дать выход своему негодованию, даже если это приведет к разрыву. В последующие месяцы его воинственность достигла предела в связи с «непростительным» поведением редакторов «Рабочего дела» с одной стороны, а с другой — благодаря неожиданной поддержке, оказанной Группе из России.

* Имеется в виду работа В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов», изданная в Женеве в 1898 году Российской социал-демократической партией (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 433—470). — Прим. ред.

Она явилась в виде «Протеста» семнадцати сосланных в Сибирь социал-демократов против так называемого «Кредо». Его кратко изложила Кускова — жена Прокоповича, не думая о публикации, а автор «Протеста» использовал его как повод для критики уклонов в целом. Его автором был Ленин, все еще находившийся в сибирской ссылке. Он работал над большой книгой «Развитие капитализма в России» и был в курсе всех событий в революционном движении, наблюдая за деятельностью Плеханова, которого он считал путеводной звездой российской социал-демократии. Ленин получил и «читал и перечитывал с великим удовольствием» плехановские «Очерки по истории материализма», с особым интересом следил за кампанией Плеханова против ревизионизма, заявляя, что стоит решительно на стороне мониста, который «абсолютно прав, объявляя неокантинство реакционной теорией реакционной буржуазии и выступая против буржуазии». Не удивительно, что Ленин был очень расстроен, узнав о раздоре внутри СРСД и выходе Плеханова и его друзей из него¹⁸. Еще до ссылки в Сибирь он имел возможность наблюдать зарождение «экономизма» и теперь был возмущен, узнав о его очевидной победе над Группой.

Если Ленин и критиковал своего наставника, то лишь за то, что Плеханов не наносил ответного удара. Он мечтал выступить на стороне пионеров марксизма и ортодоксальности и побудить их начать контратаку. Он тайно переправил Группе статью «О задачах российских социал-демократов», в которой поддерживал осужденных правоверных марксистов. И потресовский призыв к выступлению Группы тоже мог быть инициирован Лениным. Возможность для решительных действий появилась, когда в руки Ленина попал экземпляр «Кредо». Он написал разгромный ответ на эту смесь доктрины ревизионизма и «экономизма», собрал подписи еще шестнадцати ссыльных социал-демократов, согласных с такой оценкой, и отправил все это для публикации в Швейцарию. Так из далекой Сибири этот энергичный революционер начал первое открытое выступление против «экономизма», подтолкнув Плеханова и Аксельрода к выполнению собственных планов военных действий.

Пионеры марксизма питали глубокое недоверие к двум из троих редакторов «Рабочего дела» и готовы были поднять шум при малейших признаках двуличия. В конце концов, разве Иваншин не высказывался одобрительно о Бернштейне? Разве он не отказался принять «Манифест» I съезда партии? Что касается Кричевского, то он был тесно связан с Иогихесом во время предыдущей кампании против

Группы. Плеханов сообщал Энгельсу о своем нелестном мнении о Кричевском как о том типе «тальмудистов современного социализма, которым удается усвоить его БУКВУ, но никогда его ДУХ. Он представляет собой нечто вроде „истинного“ социалиста, готового восстать против всякого движения, хотя бы сколько-нибудь противоречащего заученным им формулам»¹⁹. Подозрительность Группы в отношении этих двух редакторов оправдались. Пообещав напечатать критическое «Открытое письмо» Аксельрода, редакторы стали бесконечно тянуть с публикацией, на что Плеханов заметил, что и его, и его товарища явно водят за нос²⁰. Ленин отправил экземпляр «Протеста» не только Группе, но и редакторам «Рабочего дела». Мало того, что редакторы опередили стариков, напечатав «Протест» первыми; они еще и снабдили его пренебрежительным комментарием редакции, снова вызвав ярость Плеханова и Аксельрода²¹.

Связь с читателями осталась в руках противника, и Плеханов, более чем когда-либо, был полон решимости либо вернуть ее Группе, либо порвать с «Союзом», чтобы получить право на открытые действия. На первое надежды было мало, и Плеханов втайне приготовил бомбу для противников, попросив также Аксельрода составить объявление о возобновлении издательской деятельности Группы «Освобождение Труда». Первая марксистская организация, воскликнул Плеханов, «...должна вступить опять более боевой и блестящей, чем когда бы то ни было»²². Они скрывали свои намерения, продолжая пользоваться всеми преимуществами участия в «Союзе», тем самым давая основания для упреков в маккиавелизме. Бомба — написанный Плехановым «Vademecum» для редакции «Рабочего дела» — была сброшена на лагерь ничего не подозревающего противника в марте 1900 года. В следующем месяце, на бурно проходившем Втором съезде, Группа уничтожила последние связи с «Союзом». Как семнадцать лет назад Плеханов, Аксельрод и Засулич решительно порвали с «Народной Волей» для того, чтобы пропагандировать новое революционное мировоззрение, так и теперь они разошлись с явным большинством в собственном социал-демократическом движении для того, чтобы отстаивать генеральную линию, проложенную ими ранее. Раскол, ис-

¹⁹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, Т. 2. С. 110. Позднее редакторы утверждали, что письмо Аксельрода до них не дошло (Кричевский Б. Н. Ответ редакции «Рабочего дела» на письмо П. Аксельрода и «Vademecum» Г. Плеханова. Женева, 1900. С. 1).

смотря на испытываемую Плехановым и Аксельродом горечь, давал возможность вернуться к идеологической борьбе — самому близкому их сердцу делу. Без сомнения, они не могли не предвкушать удовольствия нанести удар по «дорогим товарищам», которые, как они считали, всячески унижали и изводили их.

Натиск «экономизма» был почти неизбежным следствием изменения характера и состава российской социал-демократии. В течение нескольких лет она превратилась из незначительной секты, группы интеллигентов, в динамичное движение, охватившее значительную часть интеллигенции и установившее широкие и прочные связи с рабочими. Последний фактор был решающим. Пока марксистская интеллигенция ограничивалась кружковой работой, ее идеи относительно потребностей и необходимого курса движения не подвергались сомнению. Стоило ей окунуться в агитационную деятельность, как сей открылся абсолютно новый аспект общественной мысли и убеждений. Социал-демократы полагали, что рабочие охотно примут их планы освобождения труда, однако оказалось, что у пролетариев есть собственные пристрастия. Они вовсе не желали всегда действовать по указке интеллигенции и стремились взять бразды правления в свои руки для того, чтобы вести движение по пути, более соответствующему их собственным представлениям. Таким образом, агитационная деятельность не только увеличила масштабы социал-демократии, но изменила ее состав и породила некоторую напряженность в отношениях между интеллигенцией и рабочими.

Брошюра «Об агитации» призывала агитаторов формулировать обращения к рабочим на основе четкого знания их потребностей. Особый акцент делался на экономических трудностях их положения, как вопросах наиболее актуальных для рабочих. На практике такая агитация оказывалась в высшей степени удачной. Однако успехи приводили к новым трудностям в связи с разногласиями по поводу смысла и значения экономической борьбы. Для рабочих экономическая борьба, сущившая повышение оплаты труда, сокращение рабочего дня и другие материальные блага, имела большую ценность сама по себе. Победа, одержанная в знаменитой петербургской стачке 1896 года, убедила их, что они нашли эффективное средство улучшения собственного положения. Одним словом, они желали трудиться ради улучшения жизни и в связи с этим предпочитали борьбу профсоюзную. Это увлечение сочталось с безразличием к политической борьбе. Большинство рабочих не видело связи между борьбой за материальное благосостояние и

войной против правительства, которая связана с большим риском, а ощущимых результатов, если и приносит, то немного. Они не могли понять, каким образом замена царя правительством, подчиненных «хозяевам», которые эксплуатируют их, может улучшить их собственное благосостояние. Характерно, что, по одному из сообщений, номер «Рабочей мысли», в котором излагались подробности борьбы рабочих, встречали с энтузиазмом, а экземпляры политического «Манифеста» съезда РСДРП с возмущением выбрасывали из заводских окон²². Рабочие противились тому, чтобы ими руководили представители интеллигентии, которые ценили экономическую борьбу не саму по себе, а лишь как трамплин для осуществления политической революции.

Столкнувшись с подобной психологией рабочих, большая часть социал-демократической интеллигентии капитулировала. Они приняли существующий уровень рабочей сознательности за критерий и высказали готовность предоставить окончательный выбор направления движения самим рабочим. Сложившиеся в результате отношения отражали изменение состава участников российского социал-демократического движения, в котором рабочий класс приобретал все более доминирующее положение, постепенно выходя из-под контроля интеллигентии. Вместо того, чтобы на основе марксистской теории формулировать и направлять это движение, интеллигентия позволила подчинять свою деятельность удовлетворению потребностей, стихийно возникавших в сознании пролетариата. Вместо того, чтобы стать штабом революционной армии, рядовыми которой являются представители рабочего движения, она действовала как адъютант или административный придаток рабочего движения.

Согласие интеллигентии на ограничение собственной роли в движении было результатом ряда обстоятельств. Арест Ленина, Мартова и Потресова означал потерю авторитетной группы социал-демократов, глубоко приверженных политической борьбе. В их отсутствие руководящие позиции заняли молодые и менее опытные люди, чей небольшой революционный опыт располагал к принятию такого течения как «экономизм». Они получили крещение, занимаясь агитацией среди фабричных рабочих, она обеспечила победы рабочим и расширила влияние движения. На их мировоззрение больше повлиял живой опыт работы среди рабочего класса, нежели отвлеченная теория. Они довольствовались тем, что «учились у жизни» и во всем следовали за рабочими, которые, в сущности, были полностью погружены в отношения, складывавшиеся в условиях капитализма. Что может быть разум-

нее, считали они, чем передача руководства рабочим движением самим рабочим? Малоискушенные в теории, они не считали такое отношение к движению серьезным отклонением от правильного курса социал-демократии. Напротив, разве может быть неверной тактика, отвечающая чаяниям рабочих и в то же время так расширявшая масштабы движения? Вне всякого сомнения, эти люди не подозревали, чем чревата их тактика. Совсем другим участникам движения — отнюдь не рабочим и не интеллигентам-агитаторам — осталось лишь расставить все точки, чтобы обобщить тактику «экономизма» в теории, в более или менее резкой форме вступавшей в противоречия с ортодоксальным марксизмом.

Крайняя форма «экономизма», подробно изложенная Прокоповичем, Кусковой и «Рабочей мыслью», рассматривала политическую борьбу как любимую социалистической интеллигенцией идею, с которой необходимо бороться. Они считали, что участие в политической борьбе не отвечает ни фактическим желаниям рабочих, ни их истинным потребностям, ибо свержение самодержавия не изменит их положения по существу. По желанию рабочих, социалистическая интеллигенция могла бы принять участие в оппозиционном движении либералов; но выдвигать идею борьбы за политическую свободу в качестве главной в рабочем движении, было, с их точки зрения, не более, чем «спорным» перенесением чужеродных задач на русскую почву. Пролетариат может достичь большего, если, руководствуясь лозунгом «Рабочие для рабочих», будет вести приносящую ощутимые результаты борьбу за экономические права, не отвлекаясь на борьбу политическую, к чему его призывает интеллигенция. Более умеренный вариант «экономизма» был разработан в статьях «Рабочего дела», в которых не отрицалось значение политической свободы для рабочих. Согласно этой позиции, постановка политических задач не имеет смысла до тех пор, пока рабочие, посредством собственного опыта, не придут к политической сознательности. Пока сам пролетариат не ощутит потребности в политической свободе, социал-демократы должны, главным образом, заниматься привлечением пролетариата в сильные рабочие организации, способные бороться за улучшение их положения^{*}.

* Леонид Шапиро в работе «The Communist Party of the Soviet Union» (New York, 1960. Гл. I) считает, что СРСД не оказал или оказал очень незначительную поддержку ревизионизму и «экономизму», и вообще отрицает их значение в российском движении. Он называет «Кредо» Кусковой «первым, если не единственным свидетельством

Атака Плеханова на «экономизм» была исполнена враждебности, отражающей горечь и отчаяние, испытанные им вследствие поражений, нанесенных Группе людьми, которых он презирал. Во «Введении» к «Vademecum» он сетовал: «...Никогда не думал, что мне суждено пережить такойстыд!»²³. Его возмущал раскол в движении, им основанном, на фракции, расточавшие энергию на междоусобную вражду. Скоро, горько замечал он, достаточно будет встретить двух социал-демократов, чтобы обнаружить три партии²⁴. Игра в кошки-мышки, которую, по его мнению, вели его противники в СРСД, тоже приводила его в негодование. Несмотря на все доказательства обратного, включая и собственную их причастность, «экономисты» отрицали само существование «экономического направления» в российской социал-демократии. При всех основаниях для гнева — как реальных, так и воображаемых — Плеханов заходил поразительно настолько далеко, что многих, разделявших его взгляды, серьезно озадачило его нападение.

вом существования „экономизма“ как учения». «Экономизм,— продолжает он,— был в основном выдумкой, насколько это касается „Рабочего дела“, и Плеханов несправедливо приписал этому изданию взгляды Прокоповича и Кусковой. Трудно понять как это сочетается с признаками сочувствия Прокоповичу в „Союзе“ и отказом СРСД поддержать „Манифест“ РСДРП. Кроме того, в частных письмах, где у них не было оснований притворяться, не только Плеханов и Аксельрод, но и Засулич неоднократно упоминают о новых открытиях, касающихся идеологических уклонов „молодых товарищей“» (ГОТ. Сб. 6. С. 194, 213, 226; Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 204; Т. 2. С. 86). С другой стороны, Программа «Рабочего дела», и также его солидарность с «Протестом» семнадцати ссылочных социал-демократов в осуждении «Кредо», по-видимому, подтверждает точку зрения Шатиро. Это явное противоречие может быть разрешено, если рассматривать эти линзы во временнем плане. 1898 год, вероятно, представлял высшую точку влияния как ревизионизма, так и «экономизма» на «Союз». В последующие один—два года оно постепенно сошло на нет, что следует из характера публикаций на страницах «Рабочего дела», а также разрыва связей между Прокоповичем и «Союзом». Разногласия Группы и «Союза» не лежали исключительно в плоскости организационной или практической, как утверждали представители последнего в ответе на плехановский «Vademecum». Но, в некотором смысле, он был правильным, так как Плеханов действительно представил читателям этот идеологический вопрос с двухлетним опозданием (См.: Кричевский Б. Н. Указ. соч. С. 49—50, 68). Последним пунктом, имевшим немалое значение для Группы, был отказ «Рабочего дела» считать идеологические уклоны «Рабочей мысли» и «Кредо» серьезной угрозой движению, как это считало старшее поколение (Там же. С. 47—48). Для Плеханова этот отказ, без сомнения, был роковым свидетельством забвения теории. Кроме того, он не учитывал степень проникновения «экономизма» в российское рабочее движение.

Он проявил весьма сомнительный вкус, опубликовав в «Vademecum» частные письма, адресованные не ему, посчитав их пригодными для использования в качестве средства для достижения своих целей*. Одних недругов он назвал «политическими кастратами»; отмахивался от других как еще не вышедших из пеленок в то время, когда он сам был уже признанным революционером²⁵. Действенность атаки также во многом снизилась от того, что Прокопович и Кускова, против которых и было в основном направлено острое критики, к тому времени уже вышли из СРСЛ.

Как можно понять из главных обвинений Плеханова в адрес противников, в основе его негодования лежало прежде всего опасение, что «экономисты» сведут к нулю все, над чем он трудился с тех пор, как стал марксистом. В статье, озаглавленной «Еще раз социализм и политическая борьба»²⁶, он признавал, что нынешняя дискуссия напоминает прежнюю. Народники и сам Плеханов, когда принадлежал к их числу, считали экономическую агитацию единственным средством продвиженияперед дела социализма и избегали политической борьбы как непригодной для этой цели. Эту ограниченность, как и противоположное заблуждение народовольцев, Плеханов «исправил», показав неразделимость социализма и политической борьбы. «Экономисты» самонадеянно считали себя самыми верными проводниками интересов рабочего класса, но они забывали ту непреложную истину, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Ирония состояла в том, что под видом «совершенствования» и «продвижения» рабочего движения они возвращались к ошибке народников, исправление которой было одной из основных заслуг российского марксизма перед революционным движением. И они смели называть себя социал-демократами!

Плеханов провозглашал веру в то, что, вопреки стараниям «экономистов», рабочие рано или поздно придут к политической борьбе; однако при том уровне проникновения идей «экономистов» в пролетарскую среду достижение истинных целей политической борьбы было бы весьма затруднительно. На повестке дня стоял еще один вопрос, имеющий центральное значение для Плеханова с момента его прихо-

* В «Предисловии» к «Vademecum» Г. В. Плеханов использовал отрывки из писем, полученных П. Б. Аксельродом в качестве одного из редакторов журнала «Рабочник», и их содержание не выходило за рамки обсуждавшихся вопросов. Авторы писем Плехановым не назывались.—Прим. ред.

да к марксизму — проблема идеологического руководства пролетариатом. Иными словами, это был вопрос о том, последует ли российское рабочее движение в точности примеру западного или научится на его опыте. Ранее он поставил этот вопрос достаточно резко: «Будут ли рабочие сражаться против самодержавия, являясь слепым орудием либералов, или их борьбе суждено стать первым политическим шагом самостоятельной рабочей партии?». Плеханов видел миссию российской социал-демократии в том, чтобы организовать борьбу рабочих за политическую свободу как силы, обладающей собственным сознанием и своими интересами, чего не сделали их братья на Западе. Но, если победят чисто экономические тенденции в их борьбе, тогда вопрос будет решен в обратном смысле: при отсутствии социал-демократического руководства рабочие будут сражаться «как слепое орудие либералов», а результатами их борьбы воспользуются другие. Более того, они не способны будут защитить свои интересы при новом буржуазно-конституционном режиме. Те, кто не воспользуется уроками истории европейского рабочего движения, будут обречены на повторение его ошибок.

За этими знакомыми доводами скрывалась еще одна, принципиальная задача в борьбе Плеханова против «экономистов». Они забывают о главной обязанности социал-демократов — развитии классового сознания пролетариата. Высокий уровень классовой сознательности не только жизненно необходим для завоевания социализма, но и степень его развития среди рабочих в каждый данный момент во многом определяет, смогут ли они выполнить стоящие перед ними задачи. Рабочий, обладающий классовым сознанием, понимает смысл борьбы против собственного работодателя, осознает ее как часть той общей войны, которую должны вести он и его братья против капитала. Он не питает иллюзий относительно возможности достижения приемлемого уровня благосостояния и общественного положения в рамках буржуазного общества и поэтому глубоко предан грядущей социалистической революции. Рабочий узнал, что политическая система подпитывает и поддерживает существующий общественный порядок множеством способов; что его освобождение неотделимо от завоевания политической свободы, что свержение абсолютизма и обретение политической свободы чрезвычайно облегчат защиту и его непосредственных интересов, и его конечное освобождение. Одним словом, рабочий, достигший высокого уровня классовой сознательности, — социал-демократ.

В начале своей карьеры марксиста Плеханов видел величайшую опасность для своевременного роста сознательности рабочего класса в «политической реакции государственного социализма» и «экономическом шарлатанстве буржуазии». Первая представляла собой патерналистскую политику государства, дающую рабочим крохи в обмен на отказ от политических устремлений; вторая — предательская тактика буржуазии, стремившейся использовать рабочих как пешек в борьбе за политическую свободу и скрывавшей наличие противоположных классовых (экономических) интересов. Однако теперь, к ужасу Плеханова, опасность исходила с совершенно неожиданной стороны. Внутри самого социалистического движения к господству стремилась фракция, во всех отношениях, кроме одного, склонная не развивать, а душить классовую сознательность пролетариата. Поскольку «экономист» содействовал пробуждению в отсталых рабочих данной фабрики чувства активного недовольства эксплуатацией и привлекал их к организованному сопротивлению, вклад его был положительным. Однако далее экономическая направленность борьбы служила тормозом для роста сознательности рабочего класса.

Характерно, что организации, в которых господствовали «экономисты», не выходили за пределы проблем рабочих одной фабрики или, самое большее, ряда фабрик одного города. Вся их энергия была направлена на повседневную борьбу за улучшение условий жизни рабочих; они пренебрегали возможностью дать рабочим какое-либо представление о возможных широких перспективах движения. Еще летом 1897 года Плеханов указывал на «преобладание узкого группового духа» в ущерб общей, классовой точке зрения, как на «один из величайших недостатков современного нашего социал-демократического движения»²⁷. Не только «местничество», но и «односторонность» мешали росту классовой сознательности и разумности рабочих. «Мы восстанем, — писал Плеханов, — не против АГИТАЦИИ на экономической почве, А ПРОТИВ ТЕХ АГИТАТОРОВ, КОТОРЫЕ НЕ УМЕЮТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СТОЛКНОВЕНИЯМИ РАБОЧИХ С ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ»²⁸. Если пролетариат слеп и используется в качестве политического орудия, значит он все еще находится на примитивном уровне развития и дорого заплатит за неумение защитить собственные интересы. Нет необходимости говорить, что Плеханов также винил «экономистов» в «близорукости», в забвении конечной цели ради решения сиюминутных задач.

Невозможно переоценить тот факт, что Плеханов неизменно оценивал пригодность тактики социал-демократии по ее достижениям в развитии классового сознания пролетариата. По его мнению, «экономисты» не просто не выполняли этой обязанности, но даже и не понимали ее. Вместо этого они стремились узнать о насущных потребностях рабочих и способствовали их достижению. Вместо того, чтобы разъяснить рабочим их «истинные» интересы, которые они еще не осознают, «экономисты» довольствовались достигнутым рабочими уровнем развития и готовы были помогать им добиваться удовлетворения этих потребностей, сколь элементарными они ни были. Обязанность социал-демократов состоит именно в том, чтобы привести рабочего к осознанию его «истинных» интересов. Однако «экономисты», вместо того, чтобы стать учителями и руководителями пролетариата, предпочитают с благоговением смотреть из-за его спины. Мнение Плеханова сводилось к тому, что «экономисты» не сумели использовать представляющиеся возможности для расширения кругозора рабочих и тем самым пренебрегли своими обязанностями социал-демократов.

Фактически Плеханов обличал «экономизм» как течение в целом, как равносильное отказу от принципов социал-демократии и «научного социализма», на котором она основана. В чем, в сущности, состоит «научность» маркса социализма? Плеханов, не колеблясь, ответил бы: «В выявлении общих законов общественного развития на основе изучения истории общества, соотнесение которых с современным его состоянием доказывает неизбежность социализма». Знание этих законов, возможность правильного понимания явлений и тенденций развития современного общества приобретаются в процессе овладения теорией. Ее привнесением в рабочее движение призвана заниматься интеллигенция. Однако «экономисты» требуют, чтобы она отказалась от роли учителя и руководителя пролетариата и стала просто его помощником. Если социалистическая интеллигенция последует такому совету, это будет означать конец социал-демократии. Теория, выработанная на основе исторического опыта, прокладывает курс рабочему движению. Теория указывает социалистическую направленность дальнейшего исторического развития; руководствуясь этими соображениями, социал-демократы должны всегда всюду заботиться о пролетарской сознательности, без которой социализм не осуществим. Не случайно, что те, кто игнорирует и принижает теорию, и совершают такие вопиющие ошибки.

Признавая несовпадение взглядов крайних и умеренных «экономистов», Плеханов не видел особых различий в практических результатах их деятельности. Первые, начисто отрицая политическую борьбу и отказываясь заниматься вопросами конечной цели движения, имеют один выход — третий-юнионизм. Вторые рассчитывают на постепенное и органическое развитие политического и социалистического сознания рабочего класса по мере обретения им зрелости и опыта. Плеханов испытывал определенные сомнения относительно возможности овладения пролетариатом социалистическим сознанием без содействия интеллигентии, хотя и не заявлял об этом с такой же настойчивостью, как впоследствии это делал Ленин. Став марксистом, Плеханов всегда рассматривал интеллигентию в качестве необходимого звена в цепи условий, необходимых для осуществления идеалов социализма. И роль ее не ограничивалась исключительно вовлечением рабочих в борьбу на местном уровне, за которой «естественному ходу» последует все остальное. В ходе борьбы с ревизионизмом расширилось его представление о месте интеллигентии в социалистическом движении. Позиция Плеханова в борьбе против «экономизма» была непреклонной потому, что в то самое время, когда он, как никогда ранее, понял необходимость блестящего руководства со стороны социал-демократии, дабы воспрепятствовать распространению оппортунизма в рабочем движении, «экономисты» хотели от такого руководства избавиться.

Разве история революционного движения Англии не показала, что при недостатке социалистического руководства пролетариат не пойдет далее оппортунизма третий-юнионов? Какие есть основания полагать, что русские рабочие поступают иначе? Конечно, Плеханов думал и о положении в Германии. Он соглашался с тем, что «экономизм» простителен как начальная фаза движения, которую оно быстро минует; но как только «экономисты» пытаются найти обоснование своей тактики в теоретических концепциях ревизионизма, никакого схождения к ним быть не должно²⁹. Здесь он имел в виду сочувствие Прокоповича, Иваншина и других, проявленное к взглядам Бернштейна. Однако, без сомнения, еще более поразительным было очевидное совпадение позиций этих двух «ересей», независимо от того, шла или нет речь о прямом заимствовании. Разве обе они не критиковали и не отвергали различными способами предписания Маркса? Разве фактически не отрицали конечную цель движения ради решения «насущных задач»? Разве не потворствовали оппортунистическим инстинктам

пролетариев вместо того, чтобы противопоставить им силу социал-демократического руководства, вооруженного знанием теории? По всюду Плеханов видел симптомы паралича, постепенно поражающего рабочее движение в странах Европы. Он столкнулся с явно согласованными действиями, направленными на то, чтобы лишить социал-демократию ее жизненной силы. В ретроспективе, даже печальная история отношений между Группой и «Союзом» приобретала новое значение. Быть может, то, что долгое время казалось банальными разногласиями, фактически прикрывало серьезные идеологические расхождения, которые лишь проявились позднее? Безразличие молодежи к теории, ее склонность к практической организационной деятельности; назойливые требования агитационной литературы для рабочих, словно в этом была вся суть движения; неприязнь к строго ортодоксальным основателям российского марксизма,— не носило ли все это клейма «экономизма», бюрократического тред-юнионизма, оппозиции истинной социал-демократии?

И наконец, Плеханов опасался, что практические результаты победы «экономизма» будут и столь же плачевны, и того же сорта, что и триумф ревизионизма. Логика занятой позиции привела Бернштейна к проповеди постепенных изменений и реформизма в немецкой партии; и если в российском рабочем движении восторжествует «экономизм», это будет означать отказ от революции. И в этом смысле, это также будет означать гибель социал-демократии, ибо, как выразился Плеханов, «антиреволюционная социал-демократия так же немыслима, как мокрый огонь или сухая вода»⁵⁰. «Экономизму» нужно объявить беспощадную войну, потому что de facto [фактически — лат.] он является врагом как истинных интересов рабочего класса, так и прогресса России вообще, поскольку такой прогресс связан с революционным свержением царизма.

Значения и последствия дискуссии по вопросам «экономизма» не были вполне ясны основным действующим лицам. Как и в случае с ревизионизмом, Плеханов не уделил должного внимания тем социальным факторам, что обусловили подъем «экономизма». Он склонен был, в основном, винить интеллигенцию и щадить пролетариат, а такой подход не учитывал силы воздействия пролетариата на социалистическую интеллигенцию. И в том, и другом случае, Плеханову было легче требовать действий в строгом соответствии с доктриной, чем тем, кого он критиковал, им подчиниться. Не удивительно, что находясь в изгнании, в отрыве от российского рабочего движения,

Плеханов не заметил противодействия той ортодоксальности, которую он стремился проводить в жизнь: чистота легче сохраняется в вакууме, нежели в гуще жизни.

Плеханов также переоценил возможность реальных достижений «экономизма» в рамках российской действительности. Ввиду открытого братания крайних «экономистов» с Бернштейном, едва ли можно было ожидать от него деликатности. Но и произвольно объединяя их с умеренными «экономистами» и обращаясь с ними всеми весьма бесцеремонно, он вредил собственному делу. Занятая Плехановым позиция, особенно в «*Vademecum'e*», могла лишь углубить раскол организации и, в конечном счете, объединить крайних с умеренными. Учитывая политические особенности России, нетрудно было себе представить, что тактика умеренных «экономистов» вскоре вынужденно перерастет борьбу с правительством. Перспектива создания даже некоего подобия профсоюзов в условиях самодержавия, действительно, относилась к разряду утопий. Плеханов отлично понимал, что упорные действия «экономистов», направленные на защиту экономических интересов рабочих, вовлекают и их самих, и рабочих в нелегальную работу. Правительство не могло бессстрастно взирать на формирование и работу не предусмотренных законом организаций, а потому постоянно вмешивалось и пресекало их деятельность. Такое положение вещей давало все основания надеяться на «естественное» развитие политической деятельности среди рабочих, как и предсказывали умеренные «экономисты».

В своей полемике Плеханов не сумел провести должного различия между политической сознательностью и социалистическим сознанием. Однако самое существенное разногласие его с «экономистами» состояло именно в этом. Тактика «экономизма» почти неизбежно ведет к пробуждению в рабочих политической сознательности; но Плеханов этим не удовлетворялся. По его мнению, недостаточно, чтобы рабочие были просто вовлечены в борьбу за политическую свободу. Признавая, что эта борьба и движение к социализму необходимо разделены во времени, разрабатывая общую стратегию движения, Плеханов настойчиво объединял их. И связующим звеном между ними являлась непрерывная работа по пробуждению, поддержанию и повышению классовой сознательности пролетариата. Этот процесс должен начинаться с первых шагов борьбы против самодержавия и неуклонно продолжаться до завершения социалистической революции. «Экономизм» разрывает связь между двумя революциями. Некоторые «эко-

номисты» готовы были включить тезис о завоевании политической свободы в свои практические планы. Однако требование разрабатывать тактику текущей работы, ориентируясь на столь далекий идеал, они считали бесплодной фантастикой.

Если бы восторжествовали «экономисты», возросли бы шансы либерального руководства борьбой против самодержания, о чём предупреждал Плеханов. В результате, могло бы произойти нечто вроде так называемых буржуазных революций на Западе, с теми же последствиями, которых Плеханов так упорно стремился избежать. Каковыми были бы ни были опасности подобного поворота событий, с точки зрения самого Плеханова, такой поворот мог бы отнести в сторону неразрешимые противоречия его собственного революционного прогноза, связанные со стремлением органично соединить борьбу за политическую свободу с долговременным продвижением к социализму. Об этом возможном достоинстве он и не подозревал.

В ответ на явную готовность «экономистов» пренебречь ролью наставника рабочего класса, Плеханов всячески подчеркивал значение социал-демократического руководства в рабочем движении. Случилось так, что «экономизм» был побежден, но это не означало победы плехановского типа ортодоксальности. Точно так же, как «исправление» «односторонности» кружковщины (избытка теоретической пропаганды) привело к другой «односторонности» — «экономизму», так и реакция на «односторонность» «экономизма» (ослабление роли социал-демократического руководства) вызвала к жизни новую — его преувеличение. Не подозревая об этом, Плеханов открыл дорогу для восхождения Ленина.